

Е. С. Соболева

**ЭММАНУИЛ ЛЮДВИГОВИЧ НОБЕЛЬ —
ЧЛЕН ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

В последние годы появилось много новых материалов о значении семьи Нобель для России¹. Но пока заслуги Эммануила Людвиговича Нобеля (1859/60 – 31.05.1932) остаются в тени заслуг его старших родственников — Роберта Нобеля, основателя Товарищества нефтяного производства братьев Нобелей, и Альфреда Нобеля, изобретателя динамита, учредителя Нобелевской премии.

Многие направления деятельности Эммануила Людвиговича Нобеля были связаны с Императорской Академией наук (далее — ИАН). Он получил хорошее образование, но должен был заниматься разными видами административной деятельности одновременно. Э. Л. Нобель — почетный инженер-технолог Петроградского технологического института императора Николая I. Совладелец и распорядитель Торгового дома в Петербурге в форме товарищества на вере «Людвиг Нобель» (Механический завод), также он вел дела предприятия своего погибшего брата Карла. Председатель правлений Нефтепромышленного и торгового общества «Колхида», Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, Судостроительного общества «Ноблесснер». Член правлений товарищества «Альфа-Нобель», Страхового общества «Русский Ллойд», Русского общества для выделки и продажи пороха и др. С 1888 года — председатель правления и руководитель Русского торгово-промышленного союза за границей. Торговый представитель Русско-английской торговой палаты. Масон².

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПбФА РАН) хранится ряд документов, которые проливают новый свет на некоторые недостаточно известные стороны его деятельности и раскрывают личность этого предпринимателя и мецената.

Директор Главной пулковской обсерватории академик О. А. Баклунд 21 января 1909 года доложил на заседании Физико-математического отделения ИАН о характере и объеме помощи отечественной науке со стороны Э. Л. Нобеля: «Материальные пожертвования на предприятия, имеющие исключительно научный характер, должны считаться у нас весьма редким явлением. Вот почему нельзя не обратить внимания Императорской академии наук на постоянное сочувствие научным предприятиям Академии, проявленные со стороны коммерции советника Эммануила Людвиговича Нобеля. Исследования движения кометы Энке, предпринятые академиком Баклундом в 1890-х годах, никогда не осуществились бы, если бы не щедрое пожертвование г. Нобеля, давшее возможность привлечь к делу большое количество опытных вычислителей, когда народилось новое дело астрофизических измерений, г. Нобель и тут пришел на помощь, пожертвовав Академии весьма ценный прибор работы Репсольда для измерения астрофизических пластинок. Сейсмическая комиссия получила существенную помощь от г. Нобеля, который с полной готовностью учредил в Баку по указанию Комиссии на собственные средства сейсмическую станцию, причем и наблюдатель станции находится на полном иждивении г. Нобеля. Здесь не приходится говорить о тех пожертвованиях на ученые нужды, которые делал и делает г. Нобель для других ученых учреждений, но и пожертвований, деланных Академии, более чем достаточно для того, чтобы Императорская Академия наук, как первенствующее ученое учреждение, исходатайствовала награждение г. Нобеля чином действительного тайного советника за щедрые пожертвования на пользу науки»³.

Было положено возбудить ходатайство, и министру народного просвещения 21 февраля 1909 года направлено письмо⁴. На запрос министра об объеме оказанной помощи академик Баклунд сообщил, что оценить ее невозможно, и привел некоторые основные факты:

1) после 1893 года, когда Э. Л. Нобель получил награду по представлению Академии, он выделил для ученых предприятий более 30 тыс. руб.;

2) в 1904 году к 25-летию Товарищества братьев Нобель по инициативе Э. Л. Нобеля образован капитал в 250 тыс. руб., на проценты с которого выдаются пособия и стипендии на образование детей служащих Товарищества братьев Нобель;

3) в 1908 году до 60 тыс. руб. выделено на бактериологические исследования холеры и на санитарные учреждения;

4) на полном содержании Э. Л. Нобеля находятся устроенные им сейсмологические станции в Баку и Красноводске;

5) на средства Э. Л. Нобеля содержится в Санкт-Петербурге школа для детей обоего пола с ремесленным классом. При школе организованы вечерние курсы для взрослых рабочих;

6) на Выборгской стороне устроен и содержится Народный дом с аудиторией на 750 чел. и библиотекой. Стоимость его обходится в несколько сот тысяч руб.⁵

Приведем текст формулярного списка о службе почетного члена состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге коммерции советника, Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца Эммануила Нобеля (составлен в апреле 1908 года):

«Член ревизионной комиссии Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, 49 лет. Лютеранского вероисповедания. Холост. Имеет ордена: Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Станислава 2-й и 3-й ст. Содержание не получает. Сын заводчика, имеет родовое: Чугуннолитейный и механический завод в Санкт-Петербурге по Сампсониевскому пр. под № 29/31 и 34. Воспитание получил в Технологическом институте в Стокгольме. В Санкт-Петербургском купечестве по 1-й гильдии состоит с 1888 года. Вследствие изъявленной готовности к ежегодному пожертвованию по 300 руб. в пользу состоящего под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге Августейшим покровителем учреждения утвержден в звании почетного члена Дома. 9 февраля 1888 года за полезную деятельность заводов Товарищества братьев Нобель в г. Баку всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. в октябре 1888 года. Состоит пожизненным членом Бакинского окружного управления Общества спасения на водах с 1890 года. Состоит членом Императорского Русского технического общества с 1891 года. Состоит членом-сотрудником Императорского института экспериментальной медицины с 1892 года.

За пожертвованный Императорской Академии наук аппарат Репсольда для измерения фотографиями звездного неба, ценой около 5 тыс. имперских марок, и 3 тыс. руб. на производство и проверку вычислений возмущений кометы Энке всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 3-й ст. 18 ноября 1892 года. Состоит членом Учетного и Ссудного комитета

Санкт-Петербургской конторы Государственного банка с 1893 года. Состоит членом-благодетелем попечительства в память императора Александра II над воспитанниками, окончившими курс в Ремесленном училище цесаревича Николая с 1893 года. Состоит членом Отдела защиты детей от жестокого обращения с 1894 года. По засвидетельствованию Министерства финансов о полезной деятельности на поприще отечественной промышленности и торговли, всемиловейше пожалован званием коммерции советника с 17 апреля 1894 года.

Ввиду принятого участия в добровольной между членами Дома подписки на образование капитала для обеспечения содержания ремесленных классов для приходящих участников удостоен Высочайшего Государя Императора благодарности 27 апреля 1894 года. За особые труды и заслуги по Дому призрения и ремесленного образования бедных детей всемиловейше награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. 6 декабря 1895 года. За особые труды и заслуги по тому же Дому всемиловейше награжден орденом Св. Анны 2-й ст. 6 декабря 1898 года. С Высочайшего соизволения последнего по представлению министра финансов с 16 апреля 1899 года утвержден в звании члена Совета торговли и мануфактур на четырехлетие с 1899 по 1902 год; общим собранием членов Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге избран членом Ревизионной комиссии сего дома 6 мая 1900 года. Государь Император по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел всемиловейше соизволил с 6 октября 1901 года на принятие и ношение командорского креста I кл. со звездой Шведского ордена Вазы 6 октября 1901 года. За труды по должности члена Учетного и Ссудного комитета Санкт-Петербургской конторы Государственного банка всемиловейше награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. 1 января 1902 года. С Высочайшего соизволения, последовавшего по представлению министра, финансов 9 апреля 1906 года утвержден в звании члена Совета торговли и мануфактур на четырехлетие с 1906 по 1910 год 9 апреля 1906 года»⁶.

Список препровожден в Департамент общих дел Министерства народного просвещения 14 марта 1909 года, и «18 мая 1909 года Его Императорское Величество всемиловейше пожаловал Э. Л. Нобелю чин действительного статского советника по ст. 292 Уст. служеб. прав., т. III, Св. зак., изд. 1896». Правительствующий Сенат слушал рапорт министра народного просвещения от 27 мая 1909 года № 7133 о награждении вне правил за исключительные пожертвования в пользу науки и народного просвещения; настоящее повеление опубликовать в «Сенатских ведомостях» 22 июня 1909 года⁷.

Эти сведения исчерпывающе раскрывают скудные слова о большой общественной, финансовой, просветительской, благотворительной деятельности Э. Л. Нобеля, его особом отношении к рабочим⁸.

Широкой общественности практически неизвестно о сотрудничестве Э. Л. Нобеля с петербургским Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее — МАЭ). С 1894 года директором МАЭ был академик Василий Васильевич (Вильгельм Фридрих) Радлов (1837–1918), который сумел привлечь многих выдающихся людей своего времени к заботам о вверенном ему музее. Начиная с 1906 года он добивался права создать при музее Попечительный совет, разработал Положение о попечительных советах при музеях и других ученых учреждениях Императорской Академии наук. Каждый Попечительный совет под председательством директора соответствующего учреждения должен был состоять не более как из двух представителей ученого персонала данного учреждения по выбору директора и почетных членов в числе не более пяти для каждого учреждения (в 1911 году это ограничение по численности было снято); почетные члены утверждались в своем звании по представлению соответствующего директора президентом Императорской Академии наук на пять лет и получали за его подписью диплом на это звание, по истечении пятилетнего срока они могли быть представлены на новое пятилетие⁹.

Попечительский совет успешно действовал при МАЭ с 1909 по 1917 год. За девять лет почетными членами Попечительного совета стали 11 человек, которые живо интересовались судьбой музея. Среди них были как российские подданные, так и иностранные граждане. Почетными членами Совета (в хронологическом порядке) стали Эмиль-Феликс Юльевич Шотлендер (с 1909 года), Феофил Егорович Мейендорф и Владимир Владимирович Святловский (с 1910 года), д-р Герман Мейер, Иосиф Иосифович Леман и Александр Георгиевич Романовский (с 1911 года), Эмануил Людвигович Нобель и Борис Александрович Игнатъев (с 1913 года), Карл Карлович Шейблер (с 1914 года), Джон Мюргод (с 1915 г.), Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (с 1917 года).

Согласно пункту 9 Положения, «суммы, собранные советами, хранятся в депозитах соответствующих учреждений. Ассигнования этих сумм производятся по заявлению соответствующего директора в Совете»¹⁰.

Первый попечитель МАЭ Ф. Ю. Шотлендер на заседании Попечительского совета 3 июня 1909 года заявил о внесении им в Волжско-Камский банк на имя вновь созданной Строительной компании 70 тыс. рублей для постройки третьего этажа и нового флигеля к музею. Председателем совета

правления Волжско-Камского коммерческого банка являлся Э. Л. Нобель¹¹. В начале XX века это был один из самых солидных российских банков. Член правления был обязан иметь не менее 80 акций, как залог депонированных на особых счетах. Каждая акция — по 250 руб. нарицательной цены, то есть всего на сумму 20 тыс. руб. (что практически соответствовало размеру годового содержания министра торговли и промышленности, установленного в 1905 году). Впоследствии деньги членов Попечительского совета также вносились на счета в этом банке.

Действительный статский советник Э. Л. Нобель был избран в почетные члены Попечительского совета 12 июня 1913 года, утвержден в этом звании августейшим президентом Императорской Академии наук 23 июня 1913 года, о чем В. В. Радлов известил его письмом от 3 июля 1913 года:

«Милостивый Государь Эммануил Людвигович,

Считаю приятным долгом известить Ваше превосходительство, что члены Попечительного совета под почетным председательством Его Императорского Высочества Александра Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского с живейшим удовлетворением приняли мое сообщение о согласии Вашем принять участие в Попечительном совете и избрали Вас единогласно в почетные члены Совета, а 23 июня августейший президент Императорской Академии наук, Его Императорское Высочество, Великий князь Константин Константинович соизволил утвердить Вас в этом звании. От имени Попечительного совета позволяю себе выразить надежду, что к делам нашего Совета Вы отнесетесь с тем же горячим участием, с каким Вы всегда относились к серьезным научным предприятиям.

С истинным почтением и преданностью, глубоко уважающий Вас В. В. Радлов»¹².

Не все действия, предпринятые Э. Л. Нобелем на этом посту, находили отражение в отчетах Попечительского совета. По косвенным данным можно понять, что он поддерживал исследования соотечественника, шведского археолога Туре Арне на территории Российской империи. 9 октября 1913 года из Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» в Астрахани В. В. Радлову сообщили, что «по просьбе г-на Д-ра Т. Арне из Стокгольма имеем честь препроводить при сем дубликат накладной железной дороги за № 009499 на отправленные вещи, найденные им при раскопках недалеко от Астрахани»¹³.

В 1914 году Э. Л. Нобель выделил средства на покупку крупной этнографической коллекции из Нидерландской Ост-Индии. Вопрос приобретения вещей решался долго и сложно, но 22 января 1914 года первая —

даякская — «коллекция профессора Грубауэра прибыла в помещение и выставлена для осмотра в ожидании Вашего посещения. Коллекция прибыла в отличном состоянии и по своему содержанию вполне оправдывает наши ожидания»¹⁴. Директор МАЭ отчасти лукавил, поскольку по получении ящиков выяснилось, что лучшие предметы А. Грубауэр успел продать другим зарубежным музеям, и протесты МАЭ вдогонку уже ничего изменить не смогли бы.

29 января 1914 года В. В. Радлов информирует Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук, что «Эмануил Людвигович Нобель принес в дар вверенному мне Музею значительную коллекцию, собранную путешественником и ученым профессором Grubauer'ом среди первобытных племен северной части о-ва Борнео. Коллекция, заключающая свыше 400 предметов по культу и быту указанных племен, представляет по своему составу большую научную ценность. Это новое приобретение имеет для вверенного мне Музея тем большее значение, что о-в Борнео, как и остальная часть Зондских о-вов, за исключением Суматры, представлена в Музее весьма слабо»¹⁵. За этот дар жертвователю была выражена благодарность Академии¹⁶, которая была отправлена по адресу: Сампсониевская наб., д. 15.

Другую часть требующейся суммы предоставил К. К. Шейблер, и 15 апреля 1915 года В. В. Радлов вновь сообщал на заседании Историко-филологического отделения ИАН, что этот щедрый дар «дал возможность приобрести исключительно ценные как по количеству, так и по качеству, известные собрания д-ра Грубауэра с о-вов Целебес, Суматра, Бали и Явы (1600 предметов). Э. Л. Нобель принес в дар крайне ценное собрание с о. Борнео (400 предметов). Оба эти собрания расширили Малайский отдел Музея более чем в два раза»¹⁷.

Накануне Первой мировой войны в МАЭ было подготовлено и отправлено за рубеж несколько масштабных экспедиций. Когда приток средств в науку резко сократился, В. В. Радлову пришлось прибегать к содействию попечителей музея. Эти его письма ранее не публиковались.

28 марта 1915 года

«Глубокоуважаемый Эммануил Людвигович,

В связи с разговором, который я имел с Вами по поводу экспедиции для изучения тунгусских народов Северной Маньчжурии и Амура, позволяю себе дополнительно сообщить следующее. Экспедицию эту, снаряженную в интересах музея и рассчитанную на два года, первоначально предполагалось финансировать из трех источников: 1) общих сумм Академии;

2) сумм музея; 3) сумм Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. К сожалению, последнему по случаю войны прекращена была выдача субсидии, и экспедиция оказалась в затруднительном положении. Всех расходов по экспедиции на ближайший год предполагалось 4,5 тыс. На этот счет из общих сумм Академии получено 1200 руб., а из сумм Музея — 1000 руб., по смете не достаёт около 2000 руб. Ввиду того что все снаряжение уже закуплено и чтобы успеть на место вовремя, до разлива рек, экспедиции необходимо выступить в течение ближайших двух недель, обращаюсь к Вашему просвещённому содействию, не найдёте ли вы возможным прийти на помощь экспедиции, предоставив хотя бы временно до января 1916 года необходимую сумму в 2000 руб., чем окажете научным интересам Музея неоценимую услугу...

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности. В. В. Радлов»¹⁸.

На средства Совета (главным образом на пожертвования К. К. Шейблера и отчасти Э. Л. Нобеля) были командированы в интересах МАЭ следующие лица: Г. Г. Манизер, Ф. А. Фиельструп и другие в Южную Америку для собирания коллекций в Аргентине, Бразилии и Парагвае; С. Д. Майнагашев — для собирания коллекций среди минусинских инородцев; И. М. Суслов — в Туруханский край; Д. Д. Иевлев и Г. Д. Федоров — для собирания коллекций среди самоедов, В. М. Лемешевский — в Париж для работ в Сен-Жерменском музее¹⁹.

Как отмечено в «Отчете о деятельности Попечительного о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совета за 1915 год», «в этом году вернулась из экспедиции в Южную Америку группа студентов, которым в свое время из суммы, специально пожертвованной Э. Л. Нобелем, было оказано пособие, послужившее им значительной поддержкой. Ими собраны, доставлены в музей и зарегистрированы 505 предметов из быта разных народов Аргентины, Парагвая и Бразилии, представляющие большой этнографический интерес. Кроме того, ими произведено много этнографических наблюдений и сделаны записи по туземным языкам»²⁰.

Организация возвращения участников Второй русской (студенческой) экспедиции из Южной Америки потребовала еще больших усилий, чем их отправка. Роль Э. Л. Нобеля в этом деле до конца не изучена²¹. Конференция ИАН на заседании 20 мая 1915 года постановила просить Кредитную канцелярию перевести телеграфно Г. Г. Манизеру на проезд в Россию для отбывания воинской повинности 310 руб., «имеющихся в распоряжении

директора Музея в качестве пожертвования. Во избежание задержки поскорейше прошу Правление переслать эту сумму немедленно из музейных сумм, а для восстановления кредита на эту сумму к следующему заседанию мною будет предоставлено 310 руб., имеющихся в распоряжении академика В. В. Радлова. 23 мая 1915 года деньги были переведены по телеграфу в Рио-де-Жанейро, а 27 мая означенная сумма была внесена кредитными билетами для восстановления кредита по статье сумм. За директора — академик С. Ольденбург». ²²

Одновременно требовалось завершить и другие научно-собираТЕЛЬские проекты, начатые еще до войны, и В. В. Радлов вновь обращается к Э. Л. Нобелю 10 июня 1915 года:

«Глубокоуважаемый Эммануил Людвигович,

Около года тому назад Вы оказали содействие нескольким молодым людям, поехавшим в Южную Америку с научной целью. Вы тогда ассигновали им 1000 руб., но по моему совету Вы дали им только 400 руб., так как я находил, что поездка в Южную Америку на три месяца, как тогда экскурсанты предполагали, в научном отношении значения не имеет и особого поощрения не заслуживает. Но оказалось, что вследствие обстоятельств в военное время экскурсанты до сих пор продолжают оставаться в Южной Америке и, судя по получаемым известиям, работают чрезвычайно успешно и даже самоотверженно, терпя всевозможные лишения. Крайне важно поэтому теперь оказать им поддержку для успешно продолжающихся сборов коллекций и научных изысканий, а также дать им возможность в ближайшем будущем вернуться в Россию. Так как Вы уже однажды оказали свое просвещенное содействие этим молодым людям, то обращаюсь к Вам с просьбой, не нашли бы Вы возможным прийти им теперь на помощь, по крайней мере в той сумме (1500 р.), которую Вы им тогда не додали по моей вине.

Прилагаю при сем копию письма (бразильского. — Е. С.) посланника о деятельности Ваших протеже» ²³.

В ответ Э. Л. Нобель 2 июля 1915 года передал в распоряжение членов экспедиции 600 руб. ²⁴ Для сравнения сообщим, что с самого начала экспедиция располагала 3790 руб., Г. Г. Манизер рассчитывал, что на его возвращение могло бы хватить 300 руб. ²⁵

16 сентября 1915 года были переведены по телеграфу в Буэнос-Айрес Г. Г. Манизеру для С. В. Геймана, решившего продолжить работу в Южной Америке, 1000 руб. из сумм МАЭ как пособие по сбору этнографических коллекций. Но к тому времени Г. Г. Манизер уже отбыл из Буэнос-Айреса

в Ливерпуль. 31 октября 1915 года «в ответ на запрос Кредитной канцелярии (вх. № 2824 от 26.10.1915), как поступить с деньгами, переведенными в Буэнос-Айрес для г. Манизера и товарищей, имеют честь сообщить, что г. Манизер уже вернулся в Петроград и другие его товарищи по командировке в настоящее время уже находятся по пути в Россию и потому переведенная сумма должна быть возвращена Академии. Вместе с тем прошу возвращенную сумму выдать в мое распоряжение под отчет для распределения между командированными лицами по мере их возвращения в возмещение понесенных ими расходов по переезду и по собиранию коллекций. Оправдательные документы по израсходованию этой суммы своевременно будут представлены. В. В. Радлов». Эта сумма 7 ноября 1915 года была внесена в аванс музея на расходы по собиранию в Южной Америке и доставке в Петроград коллекции для МАЭ²⁶.

В эти же дни В. В. Радлов перевел С. А. Широкогорову для продолжения работ в Амурской области 350 руб. заимообразно из сумм Попечительного совета, и, как он докладывал Правлению, 28 октября 1915 года по квитанции деньги были возвращены из музейных средств²⁷.

Деятельность Попечительного совета, несмотря на неблагоприятные условия 1914–1915 годов, благодаря щедрым дарам почетных членов Ю. А. Игнатьева, К. К. Шейблера и Э. Л. Нобеля оказалась исключительно плодотворной. От Э. Л. Нобеля было получено в 1914 году 400 руб.²⁸, в 1915-м — 600 руб.²⁹ На эти средства осуществлялось финансирование полевых этнографических исследований, которые дали серьезные результаты.

В годы разрухи изменился и характер деятельности Попечительского совета. Ему удавалось даже помогать музею углем для отопления здания, чаем, сахаром, продуктами питания для персонала. В последний раз В. В. Радлов писал некоторым членам Совета 24 сентября 1916 года:

«Глубокоуважаемый Эммануил Людвигович,

На последнем заседании Совета, на котором, к сожалению, Вы не имели возможности присутствовать, вследствие доклада моего об остром положении вопроса о добавочном жаловании вольнонаемным служащим в связи с возрастающей дороговизной, а также о финансовой поддержке начатых еще до войны экспедиций в отдаленных местах, Совет по предложению И. И. Лемана постановил обратиться циркулярно с предложением покрыть недостающую сумму в 5500 руб. подпиской среди почетных членов Попечительского совета и довести об этом до сведения отсутствующих почетных членов Совета, о чем имею честь Вам сообщить вместе с приложением копии протокола»³⁰.

Как видим, Э. Л. Нобель регулярно оказывал Академии наук важные услуги. Вероятно, к заботе о МАЭ его привлекли как директор В. В. Радлов, так и члены Попечительского совета. Их связывали также деловые отношения. Хотя Э. Л. Нобель стал попечителем МАЭ в 1913 году, фактически он помогал МАЭ и ранее. За краткий срок своего официального попечительства Э. Л. Нобель успел немало совершить: финансировал экспедиции, оплатил покупку крупной этнографической коллекции с о-ва Борнео, не говоря уже о более мелких, но важных для науки делах и мероприятиях, о которых не всегда сообщается в протоколах. Накануне 300-летнего юбилея первого музея России следует вновь оценить заслуги и значительный вклад Э. Л. Нобеля в академическую науку и культуру.

¹ Семенцов С. В. Санкт-Петербургская семья Нобель — династия промышленников, ученых, меценатов (по архивным данным) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 306–347.

² Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5. С. 144.

³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1909). Ед. хр. 57. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 8–8а.

⁶ Там же. Л. 9–10.

⁷ Там же. Л. 11–15.

⁸ Эммануил Людвигович Нобель // Теплоход. 1914. № 5–12. С. 186–189.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1907). Ед. хр. 154. Л. 34–35 об. (1-е приложение к протоколу заседания общего собрания Академии 10 марта 1907 года).

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1911). Ед. хр. 158. Л. 70 об. (1-е приложение к протоколу заседания общего собрания Академии 5 ноября 1911 года).

¹¹ Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 года. М., 1994. С. 193.

¹² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 66. Л. 39.

¹³ Там же. Ед. хр. 65. Л. 304.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 66. Л. 211.

¹⁵ Там же. Л. 224.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1912). Ед. хр. 161. Л. 386.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1915). Ед. хр. 162. Л. 420 об.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 44. Л. 35–35 об.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1915). Ед. хр. 162. Л. 420 об.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). Ед. хр. 163. Л. 427.

²¹ Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. М., 2003.

- ²² СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915). Ед. хр. 60. Л. 20, 22, 35, 24, 27.
- ²³ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 44. Л. 39–44.
- ²⁴ *Дридзо А. Д., Шрадер Т. А.* Эммануил Нобель — спонсор русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 годов // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 337–344.
- ²⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 70. Л. 148.
- ²⁶ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1915). Ед. хр. 60. Л. 43 об.–53.
- ²⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1915). Ед. хр. 162. Л. 468 об.
- ²⁸ Там же. Л. 421.
- ²⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). Ед. хр. 163. Л. 419.
- ³⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 года). Ед. хр. 44. Л. 61.